

О. ГЕНРИ

ДАРЫ ВОЛХВОВ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

О. Генри
Дары волхвов

«ФТМ»
«Издательство АСТ»

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

О. Генри

Дары волхвов / О. Генри — «ФТМ», «Издательство АСТ»,
— (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-117016-5

Герои рассказов О. Генри — то «маленькие люди» большого Нью-Йорка, то легкомысленные и веселые художники и писатели, то парни из лихого бандитского района и их трогательно верные подруги, то обитатели Дикого Запада, ковбои и фермеры — неизменно становятся близки всем читателям. А фразы из его рассказов — «Боливар не выдержит двоих», «Успею добежать до канадской границы», да и названия самих рассказов: «Вождь краснокожих», «Дороги, которые мы выбираем», «Трест, который лопнул» — стали крылатыми выражениями и прочно вошли в нашу повседневную жизнь! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-117016-5

© О. Генри

© ФТМ

© Издательство АСТ

Содержание

Дары волхвов[1]	5
В антракте[2]	9
На чердаке[3]	13
Из любви к искусству[4]	17
Сердце и крест[5]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

О. Генри

Дары волхвов

(сборник)

Дары волхвов¹

Один доллар и восемьдесят семь центов. Это все, что удалось отложить. Из них шестьдесят – одноцентовыми монетками. За эти несчастные гроши пришлось торговаться с зеленщиком, бакалейщиком и мясником, так что аж щеки горели под красноречивыми взглядами продавцов, явно не одобрявших подобную мелочность. Делла трижды пересчитала деньги. Один доллар и восемьдесят семь центов. А Рождество уже завтра.

Очевидно, что при таком положении дел оставалось лишь рухнуть на старый потертый диванчик и зарыдать в голос. Так Делла и поступила. Из чего можно сделать вполне однозначный вывод, что жизнь состоит из рыданий, всхлипов и улыбок, причем всхлипы преобладают.

Пока хозяйка дома потихонечку переходит от первой стадии ко второй, давайте рассмотрим сам дом. Съемная меблированная квартира за восемь долларов в неделю. Еще не совсем нищета, но уже близко к тому.

В вестибюле внизу – вечно пустующий почтовый ящик и кнопка электрического звонка, из которой ни один смертный не смог бы выжать ни звука. Имелась и карточка с именем: «Мистер Джеймс Диллингхем Янг».

Гордое «Диллингхем» появилось на карточке в период бывшего достатка, когда обладатель сего достославного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь доход сократился до двадцати долларов, и буквы в «Диллингхеме» потускнели, словно всерьез призадумавшись, а не сжаться ли им в неприхотливое, скромное «Д». Но каждый раз, когда мистер Джеймс Диллингхем Янг возвращался с работы домой и поднимался в квартиру на самом верху, его неизменно приветствовал радостный возглас: «Джим!» – и горячие объятия миссис Джеймс Диллингхем Янг, уже представленной вам как Делла. И это прекрасно.

Делла вытерла слезы и припудрила щеки. Встав у окна, она уныло смотрела на серую кошку на сером заборе в сером заднем дворе. Завтра Рождество, а у нее только доллар и восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Она месяцами копила деньги, стараясь сберечь каждый цент, и вот результат. На двадцать долларов в неделю особенно не пошikuешь. Она не рассчитывала на такие большие расходы. Расходы всегда превышают расчеты. Всего один доллар и восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Ее Джиму. Сколько счастливых часов провела Делла в раздумьях, что ему подарить. Что-нибудь редкое, утонченное, совершенно особенное – что-то, хоть отдаленно достойное высокой чести принадлежать ее Джиму.

В проеме между окнами стояло трюмо. Возможно, вы видели такие трюмо в меблированных комнатах за восемь долларов в неделю. Наблюдая за сменой своих отражений в его узких продольных створках, очень худой и очень подвижный человек может составить себе более-менее точное представление о собственной внешности. Делла, будучи худенькой, в совершенстве владела этим искусством.

Резко отвернувшись от окна, она встала перед зеркалом. Ее глаза сияли, но лицо было бледным, утратив все краски буквально за двадцать секунд. Она вмиг распустила прическу, и длинные волосы свободно рассыпались по плечам.

¹ Перевод. Т. Покидаева, 2019.

У четы Джеймс Диллингхем Янг было два настоящих сокровища, которыми оба по праву гордились. Одно из них – золотые карманные часы Джима, некогда принадлежавшие его отцу, а еще раньше – деду. Второе – волосы Деллы. Если бы царица Савская жила в доме напротив, Делла сушила бы волосы после мытья, свесив их из окна, и перед ними померкли бы все драгоценности Ее Величества. Если бы царь Соломон служил в доме швейцаром и прятал в подвале все свои несметные богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана, и царь царей рвал бы на себе бороду от зависти.

Теперь же роскошные волосы Деллы ниспадали пышным каскадом, струясь и сверкая, подобно каштановому водопаду. Длиной ниже колен, они окутали свою обладательницу волнистым плащом. Торопливо и нервно Делла снова собрала их в узел. Почти закончив с прической, она на секунду замялась, застыв перед зеркалом, и две слезинки упали на потертый красный ковер.

И вот надет старенький коричневый жакет, надета старенькая коричневая шляпка. В вихре взметнувшихся юбок, все так же сверкая глазами, Делла спустилась по лестнице и выскочила на улицу.

Она быстро пришла куда нужно и остановилась у двери под вывеской: «Мадам Софрони. Парики и другие изделия из натуральных волос». На второй этаж Делла взлетела бегом, так что даже слегка запыхалась. Мадам Софрони, крупная, рыхлая женщина с очень бледным и хмурым лицом, была совсем не похожа на «Софрони».

– Купите у меня волосы? – спросила Делла.

– Волосы я покупаю, – сказала мадам. – Снимите-ка шляпку, голубушка. Глянем, чего у вас есть.

И вновь заструился каштановый водопад.

– Двадцать долларов, – сказала мадам, подхватив пышную массу опытной ловкой рукой.

– Давайте же их скорее, – сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях. Прошу прощения за избитую метафору. Делла бегала по магазинам, искала подарок для Джима.

И наконец-то нашла. Самый лучший подарок, словно созданный специально для Джима и больше ни для кого. В других магазинах не нашлось ничего даже близко похожего, а уж она-то смотрела везде и всюду. Это была платиновая цепочка для карманных часов, строгого и простого фасона, ценная исключительно качеством материала и исполнения, а не кричащим мишурным блеском – как и положено всякой хорошей вещи. Можно даже сказать, что цепочка и вправду была достойна Джимовых часов. Как только Делла увидела ее в витрине, она сразу решила, что эта цепочка должна принадлежать Джиму. Она была точно такая же, как он сам. Скромность и благородство – вот идеальная формулировка, одинаково подходящая к ним обоим. Заплатив за покупку двадцать один доллар, Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кошельке. Зато с этой цепочкой Джиму будет не стыдно справляться о времени в любом обществе. Хотя часы были великолепны, но в присутствии посторонних Джим не любил вынимать их из кармана, потому что стеснялся старого кожаного ремешка, служившего вместо цепочки.

По возвращении домой радостное возбуждение Деллы слегка улеглось, уступив место благоразумию и предосторожности. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ на плите и принялась устранять разрушения, причиненные щедростью вкупе с любовью. А это, друзья мои, большой труд – труд поистине колоссальный.

Минут через сорок ее голова покрылась тугими мелкими кудряшками, что придавало ей сходство с проказливой мальчишкой, сбежавшим с уроков. Она долго рассматривала себя в зеркале, пристально и придирчиво.

– Если Джим не убьет меня сразу, – сказала она своему отражению, – до того как успеет взглянуть повнимательнее, он, наверное, скажет, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что было делать?! Да, что делать, когда у тебя только доллар и восемьдесят семь центов?!

К семи часам кофе был сварен, и сковорода уже грелась на плите в ожидании отбивных.

Джим никогда не опаздывал. Зажав в кулаке часовую цепочку, Делла уселась за стол, на уголок, ближайший к входной двери. Снизу донеслись шаги, Джим уже поднимался по лестнице, и на мгновение Делла побледнела. Имея привычку безмолвно молиться о помощи в самых простых повседневных заботах, она и сейчас прошептала:

– Господи, миленький, пусть я останусь красивой в его глазах.

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. Он был худым и очень серьезным. Бедняга, такой молодой, всего двадцать два года – и уже обремененный семьей! Ему давно нужно новое пальто, да и перчаток у него нет.

Джим вошел в комнату и застыл, словно сеттер, почуявший куропатку. Он стоял, впившись взглядом в Деллу, и от этого странного взгляда ей стало страшно. В глазах Джима не было ни досады, ни ярости, ни удивления, ни ужаса – ничего из того, к чему она мысленно подготовилась. Он просто молча смотрел на нее этим странным, пугающим взглядом.

Делла вскочила и бросилась к мужу.

– Джим, дорогой, – быстро заговорила она, – не надо так на меня смотреть. Да, я обрезала волосы и продала, чтобы ты не остался без рождественского подарка. Я очень хотела сделать тебе подарок. Они опять отрастут. Ты же не сердись, да? Я не могла по-другому. Волосы отрастут совсем скоро, они у меня очень быстро растут. Давай, Джим, пожелай мне счастливого Рождества, и пусть оно будет счастливым и радостным. Ты даже не представляешь, какой у меня для тебя подарок... Какой прекрасный подарок!

– Ты обрезала волосы? – спросил он натужно, словно так и не смог до конца осознать этот вполне очевидный факт, даже после весьма напряженной работы мысли.

– Обрезала и продала, – сказала Делла. – Но ведь я все равно тебе нравлюсь? Я все та же, да? Только без длинных волос.

Джим растерянно оглядел комнату.

– Говоришь, без волос? – тупо переспросил он.

– Можешь их не искать, все равно не найдешь, – сказала ему Делла. – Говорю же, я их продала. Джим, сегодня Сочельник. Пожалуйста, не сердись на меня. Это все ради тебя. Может быть, волосы на моей голове и поддавались какому-то счету, – ее голос вдруг сделался очень серьезным и нежным, – но мою любовь к тебе ничем не измерить и не сосчитать. Уже можно жарить отбивные, Джим?

Из оцепенения Джим вышел быстро. Он заключил свою Деллу в объятия. А мы проявим деликатность, отвернемся на десять секунд и ненавязчиво поразмышляем о чем-нибудь постороннем. Восемь долларов в неделю или миллион в год – в чем заключается разница между ними? Математик или рационалист дадут вам неверный ответ. Волхвы принесли ценнейшие дары, но такого среди них не было. Это загадочное утверждение разъяснится позднее.

Джим достал из кармана пальто небольшой сверток и бросил его на стол.

– Не заблуждайся насчет меня, Делл, – сказал он. – Хоть побрейся ты налысо, никакая прическа и стрижка не заставят меня разлюбить мою девочку. Но раскрой этот сверток, и ты поймешь, почему я сперва растерялся.

Белые ловкие пальчики распустили бечевку и разорвали бумагу. Раздался радостный возглас, увы, тут же сменившийся – совершенно по-женски – истерическими рыданиями, так что хозяину дома пришлось немедленно применить весь арсенал утешительных мер.

Потому что в свертке лежали гребни – тот самый набор декоративных гребней для волос, которым Делла давно любовалась в одной из витрин на Бродвее. Невероятно красивые гребни, настоящие черепаховые, украшенные по ободку мелкими драгоценными камешками – как раз

такого оттенка, который так хорошо подошел бы к роскошным когда-то, а ныне исчезнувшим волосам. Гребни стоили дорого, она это знала, и мечтала о них, изнывая всем сердцем, без малейшей надежды на обладание. А теперь у нее есть прелестные гребни, но нет волос под желанное украшение.

Она прижала гребни к груди и наконец-то смогла улыбнуться сквозь слезы, поднять глаза и сказать:

– Волосы отрастут быстро, Джим!

А затем Делла вскочила, точно ошпаренный котенок, и воскликнула:

– Ой!

Она так и не отдала Джиму подарок! Она протянула цепочку мужу, держа ее на ладони. Казалось, что матовый драгоценный металл засверкал, отразив радостный блеск ее глаз.

– Тебе нравится, Джим? Я весь город обегала, пока искала тебе подарок. Теперь ты будешь смотреть на часы хоть по сто раз на день. Кстати, дай мне часы. Я хочу посмотреть, как они смотрятся вместе.

Но вместо того чтобы послушаться, Джим прилег на диванчик, положил руки под голову и улыбнулся.

– Делл, – сказал он, – давай пока спрячем наши подарки. Отложим до лучших времен, а то уж больно они хороши. Я продал часы, чтобы купить тебе гребни. А теперь уже можно жарить отбивные.

Волхвы, как мы знаем, были очень мудры – необычайно мудры, – те волхвы, что явились с дарами к Младенцу в яслях. Они заложили традицию дарить подарки на Рождество. У мудрых дарителей и дары, без сомнения, были мудрыми, вероятно, с заранее оговоренной возможностью обмена в случае необходимости. Я же, как мог, рассказал вам простую историю о двух глупых детях в дешевой съемной квартирке, которые совершенно не мудро пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но пусть знают нынешние мудрецы: из всех, приносящих дары, эти двое – мудрейшие. Среди тех, кто вручает и принимает дары, мудрее всех будут подобные им. Всегда и везде это мудрейшие из мудрейших. Они и есть волхвы.

В антракте²

Майская луна ярко освещала частный пансион миссис Мэрфи. Загляните в календарь, и вы узнаете, какой величины площадь освещали в тот вечер ее лучи. Лихорадка весны была в полном разгаре, а за ней должна была последовать сенная лихорадка. В парках показались молодые листочки и закупащики из западных и южных штатов. Расцветали цветы, и процветали курортные агенты; воздух и судебные приговоры становились мягче; везде играли шарманки, фонтаны и картежники.

Окна пансиона миссис Мэрфи были открыты. Кучка жильцов сидела на высоком крыльце, на круглых и плоских матах, похожих на блинчики. У одного из окон второго этажа миссис Мак-Каски поджидала мужа. Ужин стыл на столе. Жар из него перешел в миссис Мак-Каски.

Мак-Каски явился в девять. На руке у него было пальто, в зубах – трубка. Он попросил извинения за беспокойство, проходя между жильцами и осторожно выбирая место, куда поставить ногу в ботинке невероятных размеров.

Открыв дверь в комнату, он был приятно изумлен: вместо конфорки от печки или машинки для картофельного пюре в него полетели только слова.

Мистер Мак-Каски решил, что благосклонная майская луна смягчила сердце его супруги.

– Слышала я тебя, – долетели до него суррогаты кухонной посуды. – Перед всякой дрянью ты извиняешься, что наступил ей на хвост своими ножищами, а жене ты на шею наступишь и не почешешься, а я-то жду его не дожусь, все глаза проглядела, и ужин остыл, купила какой-никакой на последние деньги, ты ведь всю получку пропиваешь по субботам у Галлегера, а нынче уж два раза приходили за деньгами от газовой компании.

– Женщина, – сказал мистер Мак-Каски, бросая пальто и шляпу на стул, – этот шум портит мне аппетит. Не относись презрительно к вежливости, этим ты разрушаешь цемент, скрепляющий кирпичи в фундаменте общества. Если дамы загораживают дорогу, то мужчина просто обязан спросить разрешения пройти между ними. Будет тебе выставлять свое свиное рыло в окно, подавай на стол.

Миссис Мак-Каски тяжело поднялась с места и пошла к печке. По некоторым признакам Мак-Каски сообразил, что добра ждать нечего. Когда уголки ее губ опускались вниз наподобие барометра, это предвещало град – фаянсовый, эмалированный и чугунный.

– Ах вот как, свиное рыло? – возразила миссис Мак-Каски и швырнула в своего повелителя полную кастрюльку тушеной репы.

Мак-Каски не был новичком в такого рода дуэтах. Он знал, что должно следовать за вступлением. На столе лежал кусок жареной свинины, украшенный трилистником. Этим он и ответил, получив отпор в виде хлебного пудинга в глиняной миске. Кусок швейцарского сыра, метко пущенный мужем, подбил глаз миссис Мак-Каски. Она нацелилась в мужа кофейником, полным горячей, черной, не лишенной аромата жидкости; этим заканчивалось меню, а следовательно, и битва.

Но Мак-Каски был не какой-нибудь завсегда́тай грошового ресторана. Пускай нищая богема заканчивает свой обед чашкой кофе. Это дело нехитрое. Он сделает кое-что похитрее. Чашки для полоскания рук были ему небезызвестны. В пансионе Мэрфи их не полагалось, но эквивалент был под руками. Он торжествующе швырнул умывальную чашку в голову своей супруги-противницы. Миссис Мак-Каски увернулась вовремя. Она схватила утюг, надеясь с его помощью успешно закончить эту гастрономическую дуэль. Но громкий вопль внизу остановил ее и мистера Мак-Каски и заставил их заключить перемирие.

² © Перевод. Н. Дарузес, наследники, 2011.

На тротуаре перед домом стоял полисмен Клири и, насторожив ухо, прислушивался к грохоту разбиваемой вдребезги домашней утвари.

«Опять это Джон Мак-Каски со своей хозяйкой, – размышлял полисмен. – Пойти, что ли, разнять их. Нет, не пойду. Люди они семейные, развлечений у них мало. Да небось скоро и кончат. Не занимать же для этого тарелки у соседей».

И как раз в эту минуту в нижнем этаже раздался пронзительный вопль, выражающий испуг или безысходное горе.

– Кошка, должно быть, – сказал полисмен Клири и быстро зашагал прочь.

Жильцы, сидевшие на ступеньках, переполошились. Мистер Туми, страховой агент по происхождению и аналитик по профессии, вошел в дом, чтобы исследовать причины вопля. Он возвратился с известием, что мальчик миссис Мэрфи, Майк, пропал неизвестно куда. Вслед за вестником выскочила сама миссис Мэрфи – двухсотфунтовая дама, в слезах и истерике, хватая воздух и вопия к небесам об утрате тридцати фунтов веснушек и проказ. Вульгарное зрелище, конечно, но мистер Туми сел рядом с модисткой мисс Пурди, и руки их сочувственно встретились. Сестры Уолш, старые девы, вечно жаловавшиеся на шум в коридорах, тут же спросили: не спрятался ли мальчик за стоячими часами?

Майор Григ, сидевший на верхней ступеньке рядом со своей толстой женой, встал и застегнул сюртук.

– Мальчик пропал? – воскликнул он. – Я обыщу весь город.

Его жена обычно не позволяла ему выходить из дому по вечерам. Но тут она сказала баритоном:

– Ступай, Людовик! Кто может смотреть равнодушно на горе матери и не бежит к ней на помощь, у того каменное сердце.

– Дай мне центов тридцать или, лучше, шестьдесят, милочка, – сказал майор. – Заблудившиеся дети иногда уходят очень далеко. Может, мне понадобится на трамвай.

Старик Денни, жилец с четвертого этажа, который сидел на самой нижней ступеньке и читал газету при свете уличного фонаря, перевернул страницу, дочитывая статью о забастовке плотников. Миссис Мэрфи вопила, обращаясь к луне:

– О-о, где мой Майк, ради Господа Бога, где мой сыночек?

– Когда вы его видели последний раз? – спросил старик Денни, косясь одним глазом на заметку о союзе строителей.

– Ох, – стонала миссис Мэрфи, – может, вчера, а может, четыре часа тому назад. Не припомню. Только пропал он, пропал мой сыночек Майк. Нынче утром играл на тротуаре, а может, это было в среду? Столько дел, где ж мне припомнить, когда это было? Я весь дом обыскала, от чердака до погреба, нет как нет, пропал да и только. О, ради Господа Бога...

Молчаливый, мрачный, громадный город всегда стойко выдерживал нападки своих хулиганов. Они говорят, что он холоден, как железо, говорят, что жалостливое сердце не бьется в его груди; они сравнивают его улицы с глухими лесами, с пустынями застывшей лавы. Но под жесткой скорлупой омара можно найти вкусное, сочное мясо. Возможно, какое-нибудь другое сравнение было бы здесь более уместно. И все-таки обижаться не стоит. Мы не стали бы называть омаром того, у кого нет хороших, больших клешней.

Ни одно горе не трогает неискушенное человеческое сердце сильнее, чем пропажа ребенка. Детские ножки такие слабенькие, неуверенные, а дороги такие трудные и крутые.

Майор Григ юркнул за угол и, пройдя несколько шагов по улице, зашел в заведение Билли.

– Налейте-ка мне стопку, – сказал он официанту. – Не видели вы такого кривоногого, чумазого дьяволенка лет шести, он где-то тут заблудился?

На крыльце мистер Туми все еще держал руку мисс Пурди.

– Подумать только об этом милом-милом крошке! – говорила мисс Пурди. – Он заблудился, один, без своей мамочки, может быть, уже попал под звонкие копыта скачущих коней, ах, какой ужас!

– Да, не правда ли? – согласился мистер Туми, пожимая ей руку. – Может, мне пойти поискать его?

– Это, конечно, ваш долг, – отвечала мисс Пурди. – Но боже мой, мистер Туми, вы такой смелый, такой безрассудный, вдруг с вами что-нибудь случится, тогда как же...

Старик Денни читал о заключении арбитражной комиссии, водя пальцем по строчкам.

На втором этаже мистер и миссис Мак-Каски подошли к окну перевести дух. Согнутым пальцем мистер Мак-Каски счищал тушеную репу с жилетки, а его супруга вытирала глаз, заслезившийся от соленой свинины. Услышав крики внизу, они высунули головы в окно.

– Маленький Майк пропал, – сказала миссис Мак-Каски, понизив голос, – такой шалун, настоящий ангелочек!

– Мальчишка куда-то девался? – сказал Мак-Каски, высовываясь в окно. – Экое несчастье, прямо беда. Дети – другое дело. Вот если б баба пропала, я бы слова не сказал, без них куда спокойней.

Не обращая внимания на эту шпильку, миссис Мак-Каски схватила мужа за плечо.

– Джон, – сказала она сентиментально, – пропал сыночек миссис Мэрфи. Город такой большой, долго ли маленькому мальчику заблудиться! Шесть годочков ему было, Джон, и нашему сынку было бы столько же, кабы он родился шесть лет тому назад.

– Да ведь он не родился, – возразил мистер Мак-Каски, строго придерживаясь фактов.

– А если б родился, какое бы у нас было горе нынче вечером, ты подумай: наш маленький Филан неизвестно где, может, заблудился, может, украли.

– Глупости несешь, – ответил Мак-Каски. – Назвали бы его Пат, в честь моего старика в Кэнтриме.

– Врешь! – без гнева сказала миссис Мак-Каски. – Мой брат стоил сотни таких, как твои вшивые Мак-Каски. В честь него мы и назвали бы мальчика. – Облокотившись на подоконник, она посмотрела вниз, на толкотню и суматоху. – Джон, – сказала миссис Мак-Каски нежно, – прости, я погорячилась.

– Да, – ответил муж, – пудинг был горячий, это верно, а репа еще горячее, а кофе так прямо кипяток. Можно сказать, горячий ужин, правда твоя.

Миссис Мак-Каски взяла мужа под руку и погладила его шершавую ладонь.

– Ты послушай, как убивается бедная миссис Мэрфи, – сказала она. – Ведь это просто ужас, такому крошке заблудиться в таком большом городе. Если б это был наш маленький Филан, у меня бы сердце разорвалось.

Мистер Мак-Каски неловко отнял свою руку, но тут же обнял жену за плечи.

– Глупость, конечно, – сказал он грубовато, – но я бы и сам убивался, если б нашего... Пата украли или еще что-нибудь с ним случилось. Только у нас никогда детей не было. Я с тобой бываю груб, неласков, Джуди. Ты уж не попомни зла.

Они сели рядом и стали вместе смотреть на драму, которая разыгрывалась внизу.

Долго они сидели так. Люди толпились на тротуаре, толкаясь, задавая вопросы, оглашая улицу разговором, слухами и неосновательными предположениями. Миссис Мэрфи то исчезала, то появлялась, прокладывая себе путь в толпе, как большая, рыхлая гора, орошаемая звучным каскадом слез. Курьеры прибегали и убегали.

Вдруг гул голосов, шум и гам на тротуаре перед пансионом стали громче.

– Что там такое, Джуди? – спросил мистер Мак-Каски.

– Это голос миссис Мэрфи, – сказала жена, прислушавшись. – Говорит, нашла Майка под кроватью у себя в комнате, он спал за свертком линолеума.

Мистер Мак-Каски расхохотался.

– Вот тебе твой Филан! – насмешливо воскликнул он. – Пат такой штуки ни за что не отколол бы. Если бы мальчишку, которого у нас нет, украли бы или он пропал бы неизвестно куда, черт с ним, пускай назывался бы Филан да валялся бы под кроватью, как паршивый щенок.

Миссис Мак-Каски тяжело поднялась с места и пошла к буфету – уголки рта у нее были опущены.

Полисмен Клири появился из-за угла, как только толпа рассеялась. В изумлении, настрожив ухо, он повернулся к окнам квартиры Мак-Каски, откуда громче прежнего слышался грохот тарелок и кастрюль и звон швыряемой в кого-то кухонной утвари. Полисмен Клири вынул часы.

– Провалиться мне на этом месте! – воскликнул он. – Джон Мак-Каски с женой дерутся вот уже час с четвертью по моему хронометру. Хозяйка-то потяжелей его фунтов на сорок. Дай Бог ему удачи.

Полисмен Клири опять повернул за угол. Старик Денни сложил газету и скорей заковылял вверх по ступенькам крыльца – как раз вовремя, потому что миссис Мэрфи уже запирала двери на ночь.

На чердаке³

Первым долгом миссис Паркер показала бы вам спальню-гостиную. Вы не осмелились бы при этом прервать описание всех преимуществ этой комнаты и добродетелей господина, занимавшего ее в течение восьми лет. Лишь потом вам удалось бы робко пролепетать, что вы не врач и не дантист. Миссис Паркер так встречала это признание, что после этого вы уже не могли относиться по-прежнему к вашим родителям, не озаботившимся обучить вас профессии, которая подошла бы к спальне-гостиной миссис Паркер.

Затем вы поднялись бы на лестницу и осмотрели бы комнату во втором этаже, выходящую во двор: стоила она восемь долларов. Вполне убедившись, благодаря бельэтажной манере миссис Паркер, что эта комната, безусловно, стоит тех двенадцати долларов, которые платил за нее мистер Тузенберри, пока он не уехал во Флориду заведовать апельсиновой плантацией своего брата около Палм-Бич, где, между прочим, всегда проводит зиму миссис Мак-Интайр, занимающая две комнаты окнами на улицу, с отдельной ванной, – вполне приняв это во внимание, вы могли бы ухитриться кое-как пробормотать, что вам нужно что-нибудь еще подешевле.

Если бы вам удалось пережить презрительный взгляд миссис Паркер, вас повели бы осмотреть большую комнату мистера Скиддера в третьем этаже. Комната мистера Скиддера не стояла пустая; он целый день сидел в ней, курил папиросы и писал пьесы для театра. Тем не менее всех искателей приюта водили сюда, чтобы они могли полюбоваться на портьеры в этой комнате. После каждого такого посещения мистер Скиддер, от страха перед возможным выселением, оплачивал еще часть долга за комнату.

А затем... ох, затем... Если вы все еще стояли, опираясь всей тяжестью на одну ногу и сжимая горячей рукою три влажных доллара, коревившиеся у вас в кармане брюк, и хриплым голосом заявляли о своей гнусной и преступной несостоятельности, – тогда вы навек лишались миссис Паркер как чичероне. Она громко вопила: «Клара!» – поворачивалась к вам спиной и шествовала вниз. Тогда Клара, темнокожая служанка, сопровождала вас наверх, на покрытый ковром, почти отвесный склон горы, служивший лестницей для четвертого этажа, и показывала вам комнату под крышей. Она занимала посреди горы пространство в восемь футов длиной на семь ширины. По обеим сторонам ее находились темные кладовые или чуланы.

Внутри стояли железная кровать, умывальник и стул. Буфетом служила полка. Четыре голых стены, казалось, давили на вас, точно доски гроба. Вы невольно хватались рукой за горло, судорожно ловили воздух, поднимали глаза вверх и начинали дышать свободнее: сквозь стекла небольшого люка вы могли видеть квадратик, вырезанный в голубой бесконечности.

– Два долла'а, сэ', – говорила Клара своим полупрезрительным голосом.

Однажды появилась в поисках комнаты мисс Лисон.

С ней была пишущая машинка, предназначенная для того, чтобы ее таскала особа гораздо более крупных размеров. Мисс Лисон была крошечная, а глаза и волосы у нее продолжали расти после того, как она сама остановилась; они, казалось, все время упрекали ее: «Почему это, скажи на милость, ты от нас отстала?»

Миссис Паркер показала ей двойную гостиную.

– Вот здесь, в стенном шкафу, можно держать скелет, или анестезирующие средства, или же хранить уголь...

– Но я не врач и не дантистка, – сказала мисс Лисон, и по ней пробежала дрожь.

Миссис Паркер кинула на нее недоверчивый, ледяной взгляд, полный сожаления и усмешки, который она приберегала для лиц, не принадлежащих к врачебной или зубоврачебной профессии, и провела посетительницу в комнату второго этажа, выходящую во двор.

³ Перевод. В. Азов.

– Восемь долларов? – сказала мисс Лисон. – Ну, я все-таки не так наивна, хотя и выгляжу девчонкой. Я своим трудом хлеб зарабатываю. Покажите мне что-нибудь этажом повыше, а ценой пониже.

Мистер Скиддер, услышав стук в дверь, подпрыгнул и рассыпал окурки по полу.

– Извините меня, – сказала миссис Паркер с дьявольской усмешкой при виде его бледности, – я не знала, что вы дома. Я привела сюда барышню, чтобы она могла взглянуть на ваши портьеры.

– Они прямо прелестны, – сказала мисс Лисон, улыбаясь настоящей ангельской улыбкой.

После ухода посетительниц мистер Скиддер деятельно занялся вычеркиванием роли высокой, черноволосой героини в своей последней, не принятой театром пьесе и заменой этой героини другой – маленькой, лукавой блондинкой с тяжелыми, яркими косами и задорным лицом.

«Анна Хэллод прямо-таки ухватится за эту роль», – сказал сам себе мистер Скиддер, упираясь ногами в портьеру и исчезая в облаке дыма.

Скоро раздавшийся как набат возглас «Клара!» возвестил миру о состоянии капитала мисс Лисон. Темный дух завладел ею, повел ее по стеноподобной лестнице, впихнул ее в сводчатую темницу и пробормотал грозные каббалистические слова: «Два доллара».

– Я беру ее, – вздохнула мисс Лисон, опускаясь на скрипучую железную кровать.

Мисс Лисон каждый день уходила на работу. Вечером она приносила домой рукописи и перепечатывала их на машинке. Иногда по вечерам не бывало работы, и тогда она сидела на ступеньках высокого крылечка с другими жильцами.

Если судить по предварительному наброску, сделанному пред ее сотворением, мисс Лисон не была предназначена для жизни под крышей. Она отличалась веселым характером, и голова у нее была полна всяких трогательных, причудливых фантазий. Как-то раз она разрешила мистеру Скиддеру прочесть ей три действия из его великой (неизданной) комедии.

Каждый раз, когда мисс Лисон была свободна и могла посидеть часика два на крыльце, среди жильцов мужского пола поднималось ликование.

Зато мисс Лонгнекер, высокая блондинка, которая преподавала в школе и отвечала: «Скажите пожалуйста!» – на все, что бы ей ни говорили, фыркала, сидя на верхней ступеньке. А мисс Дорн, которая каждое воскресенье ездила на Кони-Айленд стрелять уток в тире, а в остальные дни служила приказчицей в магазине, фыркала, сидя на нижней ступеньке. Мисс Лисон же садилась на среднюю, и мужчины тотчас же собирались вокруг нее.

В особенности мистер Скиддер, который мысленно отвел ей заглавную роль в действительной, весьма романтической (невысказанной) драме из частной жизни. И в особенности мистер Хувер, сорока пяти лет, толстый, краснощекий и глупый. И в особенности совсем юный мистер Ивенс, начинавший раздрающе кашлять, в надежде, что она будет просить его, чтобы он бросил курить. Мужчины единогласно объявили, что она «самая веселая и занятая из всех», но фыркание на верхней и нижней ступеньках неумолимо продолжалось.

Я прошу приостановить действие драмы, пока хор, приблизившись к рампе, оплакивает тучность мистера Хувера. Настройте свирель на грустный лад, который говорил бы о трагедии ожирения, о проклятии полноты, о бедствии, называемом тучностью. Будь Фальстаф не так толст, он, быть может, изливал бы целые тонны романтизма там, где Ромео пробавлялся жалкими унциями, хотя у него можно было пересчитать все ребра. Влюбленный может вздыхать, но задыхаться ему не полагается. Толстяк – достояние Момуса. Напрасно бьется горячее сердце над талией в пятьдесят два дюйма. Назад, Хувер! Хувер сорока пяти лет, краснощекий и глупый, имеет шансы покорить самое Елену Прекрасную, но Хувер сорока пяти лет, краснощекий, глупый и толстый, – человек пропащий. Нет, Хувер, тебе не на что надеяться.

Как-то раз в летний вечер, когда жильцы миссис Паркер беседовали таким образом на крыльце, мисс Лисон взглянула на небо и воскликнула своим обычным радостным голосом:

– Смотрите! А вот и Билли Джексон! Я его отсюда вижу.

Все начали глядеть вверх, кто на небо, кто на окна небоскребов, кто – отыскивая аэроплан, управляемый упомянутым Вильямом Джексоном.

– Это вон та звездочка, – объяснила мисс Лисон, указывая на нее крошечным пальчиком. – Не та большая, мерцающая, а другая, рядом, которая горит ровным голубым светом. Я вижу ее каждый вечер из моего люка. Я прозвала ее Билли Джексон.

– Скажите пожалуйста! – воскликнула мисс Лонгнекер. – Я не знала, что вы занимаетесь астрономией, мисс Лисон.

– О да, – ответил маленький звездочет. – Я не хуже любого астронома знаю, какие рукава будут носить будущей осенью на Марсе.

– Скажите пожалуйста! – объявила мисс Лонгнекер. – Звезда, о которой вы говорите, – гамма в созвездии Кассиопея. Это звезда почти второй величины; параллакс ее...

– О! – сказал совсем юный мистер Ивенс. – По-моему, Билли Джексон звучит гораздо лучше.

– По-моему, тоже, – сказал мистер Хувер, тяжело дыша и как бы кидая вызов мисс Лонгнекер.

– Интересно, падающая ли это звезда или нет и куда она попадет, когда упадет? – заметила мисс Дорн. – А я в воскресенье попала в девять уток и в одного кролика из десяти в тире на Кони.

– Отсюда Билли не так красив, – сказала мисс Лисон. – Вы бы посмотрели на него из моей комнатки. Ведь, вы знаете, можно видеть звезды даже днем, если глядеть из глубокого колодца. А ночью моя комнатка совсем напоминает шахту в угольных копях, и от этого Билли кажется большой бриллиантовой булавкой, которой ночь зашлифовывает свое кимоно.

Вскоре после того настало время, когда мисс Лисон уже больше не приносила домой для переписки внушительных кип бумаг. И по утрам она уходила не на службу, а бродила из конторы в контору, и сердце у нее понемногу падало; оно таяло, точно лед, когда отказы, передаваемые дерзкими мальчишками-рассыльными, словно поливали ее холодной водой. И так продолжалось неизменно.

Настал вечер, когда она устало поднялась по лестнице миссис Паркер; в этот час она обычно возвращалась из ресторана. Но на этот раз она не обедала.

Когда она вошла в переднюю, мистер Хувер встретил ее и ухватился за этот случай. Он просил ее выйти за него замуж, но тучность его при этом нависла над ней, точно лавина. Она сделала шаг в сторону и удержалась за перила лестницы. Он схватил ее за руку, но она замахнулась ею и слабо ударила его по лицу. Ступенька за ступенькой поднималась она, хватаясь за перила. Она прошла мимо двери мистера Скиддера в тот момент, когда он красными чернилами писал ремарку о том, что Мериль Делорм (мисс Лисон), героиня его отвергнутой комедии, должна «протанцевать по всей сцене, от левой стороны до места, где стоит граф». Наконец она взобралась на вершину покрытой коврами горы и открыла дверь комнаты под крышей. У нее не хватило сил зажечь лампу и раздеться. Она упала на железную кровать, и хрупкое тельце ее почти не придавило изношенных пружин. И тут, лежа в этой темной, как шахта, комнате, она медленно подняла отяжелевшие веки и улыбнулась.

Ибо ей светил сквозь люк Билли Джексон, безмятежный, яркий и верный ей. Окружающий ее мир куда-то исчез. Она утопала в какой-то мрачной пропасти, но у нее остался этот бледно светившийся, маленький квадратик, служивший рамкой для звезды, которую она в минуту каприза окрестила, – и так неверно. Да, мисс Лонгнекер, без сомнения, права: это гамма из созвездия Кассиопея, а вовсе не Билли Джексон. И все же она не могла согласиться с тем, что это гамма.

Лежа на спине, она два раза пыталась поднять руку. В третий раз ей удалось поднести к губам два исхудалых пальца и послать воздушный поцелуй Билли Джексону из глубины черной пропасти. Затем ее рука безжизненно упала обратно.

– Прощай, Билли, – еле слышно проговорила она. – Ты отстоишь от меня на миллионы миль, и ты даже не мерцаешь мне. Но ты оставался там, где я могла тебя видеть, почти все время, когда вокруг меня не было ничего, кроме тьмы, не правда ли? Миллионы миль... Прощай, Билли Джексон.

Утром Клара, темнокожая служанка, нашла дверь запертой; ее взломали. Уксус, жженные перья и хлопанье по ладоням не произвели никакого действия, и кто-то побежал вызвать по телефону карету «скорой помощи».

Вскоре она со звоном подкатила к крыльцу, и толковый молодой врач в белом полотняном халате, находчивый, энергичный, уверенный в себе, с гладко выбритым лицом, носившим полудобродушное, полумрачное выражение, вбежал по лестнице.

– Вызов «скорой помощи» в номер сорок девять, – коротко сказал он. – С кем несчастье?

– Ах да, доктор, – фыркнула миссис Паркер, точно самое большое несчастье состояло в том, что несчастье произошло у нее в доме. – Не могу себе представить, что это такое с ней. Как мы ни старались, нам не удалось привести ее в себя. Это молодая барышня, мисс Эльзи... да, мисс Эльзи Лисон. Еще ни разу в моем доме...

– В какой комнате? – ужасным, непривычным для миссис Паркер голосом крикнул доктор.

– Комната под крышей... Она...

Очевидно, врачу «скорой помощи» было хорошо известно, где находятся подобные комнаты. Он летел по лестнице через четыре ступеньки. Миссис Паркер последовала за ним медленным шагом, как того требовало ее достоинство.

На первой площадке она встретила с ним. Он возвращался, неся на руках «астронома». Тут он остановился и дал волю своему острому, как скальпель, языку. Миссис Паркер начала постепенно съеживаться, как платье из твердой материи, соскользнувшее с гвоздика. Так она и осталась на всю жизнь съежившаяся и душой, и телом. Иногда любопытные жильцы спрашивали, что ей сказал доктор.

– Не будем об этом говорить, – отвечала она. – Если мне простится то, что я все это выслушала, я буду удовлетворена.

Врач со своей ношей прошел сквозь свору любопытных, собирающихся на месте несчастья, как собаки вокруг затравленного зверя; но даже они, смутившись, отступили на тротуар, ибо у него было лицо человека, держащего в объятиях труп любимого существа.

Они заметили, что он не положил безжизненное тело, которое нес, на койку, приготовленную внутри кареты, а только сказал кучеру:

– Валяйте, как черт, Вильсон.

Вот и все. Ну, какой же это рассказ? В газетах, вышедших на следующий день, я нашел несколько строк в отделе происшествий, и последние слова, быть может, помогут вам (как они помогли мне) связать все факты вместе.

В газете говорилось о том, что в больницу Бельвю была принята молодая девушка, проживающая в доме номер 49 по Восточной улице и страдавшая от общего истощения вследствие недостатка питания. Заметка кончалась словами:

«Доктор Вильям Джексон, оказавший больной первую помощь, утверждает, что она поправится».

Из любви к искусству⁴

Когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы.

Такова предпосылка. Наш рассказ явится выводом из этой предпосылки и вместе с тем ее опровержением. Это будет оригинально и ново с точки зрения логики, а как литературный прием – лишь немногим древнее, чем Великая Китайская стена.

Джо Лэрреби рос среди вековых дубов и плоских равнин Среднего Запада, пылая страстью к изобразительному искусству. В шесть лет он запечатлел на картоне городскую водокачку и одного почтенного обывателя, в большой спешке проходящего мимо. Этот плод творческих усилий был заключен в раму и выставлен в окне аптеки, рядом с удивительным початком кукурузы, в котором зерна составляли нечетное количество рядов. Когда же Джо Лэрреби исполнилось двадцать лет, он, свободно повязав галстук и потуже затянув пояс, отбыл из родного города в Нью-Йорк.

Дилия Кэрузер жила на Юге, в окруженном соснами селении, и звуки, которые она умела извлекать из шести октав фортепьянной клавиатуры, порождали столь большие надежды в сердцах ее родственников, что с помощью последних в ее копилке собралось достаточно денег для поездки «на Север» с целью «завершения музыкального образования». Как именно она его завершит, ее родственники предугадать не могли... Впрочем, об этом мы и поведем рассказ.

Джо и Дилия встретились в студии, где молодые люди, изучающие живопись или музыку, собирались, чтобы потолковать о светотени, Вагнере, музыке, творениях Рембрандта, картинах, обоях, Вальдтейфеле, Шопене и улонге.

Джо и Дилия влюбились друг в друга или полюбили друг друга – как вам больше по вкусу – и не теряя времени вступили в брак, ибо (смотри выше), когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы.

Мистер и миссис Лэрреби сняли квартирку и стали вести хозяйство. Это была уединенная квартирка, затерявшаяся в каком-то закоулке, подобно самому нижнему ля-диез фортепьянной клавиатуры. Супруги были счастливы. Они принадлежали друг другу, а Искусство принадлежало им. И вот мой совет тому, кто молод и богат: продай имение твое и раздай нищим... а еще лучше – отдай эти денежки привратнику, чтобы поселиться в такой же квартирке со своей Дилией и своим Искусством.

Обитатели квартирок, несомненно, подпишутся под моим заявлением, что они самые счастливые люди на свете. Дом, в котором царит счастье, не может быть слишком тесен. Пусть комод, упав ничком, заменит вам бильярд, каминная доска – трюмо, письменный стол – комнату для гостей, а умывальник – пианино! И если все четыре стены вздумают надвинуться на вас – не беда! Лишь бы вы со своей Дилией уместились между ними. Ну, а уж если нет в вашем доме доброго согласия, тогда пусть он будет велик и просторен, чтобы вы могли войти в него через Золотые ворота, повесить шляпу на мыс Гаттерас, платье – на мыс Горн и выйти через Лабрадор!

Джо обучался живописи у самого великого Маэстри. Вы, без сомнения, слышали это имя. Дерет он за свои уроки крепко, а обучает слегка, что, вероятно, и снискало ему громкую славу мастера эффектных контрастов. Дилия училась музыке у Розенштока – вы знаете, конечно, какой широкой известностью пользуется этот возмутитель покоя фортепьянных клавиш.

Джо и Дилия были очень счастливы, пока не прожили всех своих денег. Так оно всегда... но я не хочу показаться циником. Стоявшая перед ними цель была им совершенно ясна. Джо в самом непродолжительном времени должен был написать такие полотна, ради обладания которыми пожилые джентльмены с тощими бакенбардами и толстыми бумажниками будут лупить

⁴ © Перевод. Т. Озерская, наследники, 2011.

друг друга кистенем по голове у него в мастерской. Дилия же должна была познать все тайны Музыка, затем пресытиться ею и приобрести обыкновение при виде непроданных мест в партере или в ложах лечить внезапную мигрень омарами, уединившись в своих личных апартаментах и отказываясь выйти на эстраду.

Но прекраснее всего, на мой взгляд, была сама их жизнь в маленькой квартирке: горячие, увлекательные беседы по возвращении с уроков; уютные обеды вдвоем и легкие, необременительные завтраки; обмен честолюбивыми мечтами – причем каждый грезил не столько своими успехами, сколько успехами другого; взаимная готовность помочь и ободрить и – да простят мне неприязнительность моих вкусов – бутерброды с сыром и маслины перед отходом ко сну.

Однако дни шли, и высоко поднятое знамя Искусства бессильно повисло на своем древке. Так оно бывает порой, хотя знаменосец и не виноват. Все из дома, и ничего в дом, как говорят грубые, одержимые практицизмом люди. Не стало денег, чтобы оплачивать ценные услуги мистера Маэстри и герра Розенштока. Но когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы. И вот Дилия заявила однажды, что намерена давать уроки музыки, так как нужно свести концы с концами.

День за днем она уходила из дома вербовать учеников и наконец однажды вернулась домой к вечеру в очень приподнятом настроении.

– Джо, дорогой мой, я получила урок! – торжествующе объявила она. – И, знаешь, такие милые люди! Генерал... генерал А. Б. Пинкни с дочкой. У них свой дом на Семьдесят первой улице. Роскошный дом, Джо! Поглядел бы ты на их подъезд! Византийский стиль – так, кажется, ты это называешь. А комнаты! Ах, Джо, я никогда не видала ничего подобного!

Я буду давать уроки его дочке Клементине. И представь, я просто привязалась к ней с первого взгляда. Она такая нежная, деликатная и так просто держится. И вся в белом с головы до пят. Ей восемнадцать лет. Я буду заниматься с ней три раза в неделю. Ты только подумай, Джо, урок пять долларов! Это же чудно! Еще два-три таких урока, и я возобновлю занятия с герром Розенштоком. Ну, пожалуйста, родной, перестань хмуриться и давай устроим хороший ужин.

– Тебе легко говорить, Дили, – возразил Джо, вооружась столовым ножом и топориком и бросаясь в атаку на банку консервированного горошка. – А мне каково? Ты, значит, будешь бегать по урокам и зарабатывать на жизнь, а я – беззаботно витать в сферах высокого искусства? Ну уж нет, клянусь останками Бенвенуто Челлини! Я, вероятно, тоже могу продавать газеты или мостить улицы и приносить в дом доллар-другой.

Дилия подошла и повисла у него на шее.

– Джо, любимый мой, ну какой ты глупый! Ты не должен бросать живопись. Ты пойми – ведь если бы я оставила музыку и занялась чем-то посторонним... а я сама учусь, когда даю уроки. Я же не расстаюсь с моей музыкой. А на пятнадцать долларов в неделю мы будем жить как миллионеры. И думать не смей бросать мистера Маэстри.

– Ладно, – сказал Джо, доставая с полки голубой фарфоровый салатник в форме раковины. – Все же мне очень горько, что ты должна бегать по урокам. Нет, это не Искусство. Но ты, конечно, настоящее сокровище и молодчина.

– Когда любишь Искусство, никакие жертвы не тяжелы, – изрекла Дилия.

– Маэстри похвалил небо на том этюде, что я писал в парке, – сообщил Джо. – А Тинкл разрешил мне выставить две вещи у него в витрине. Может, кто и купит одну из них, если они попадутся на глаза какому-нибудь подходящему идиоту с деньгами.

– Непременно купят, – нежно проворковала Дилия. – А сейчас возблагодарим судьбу за генерала Пинкни и эту телячью грудинку.

Всю следующую неделю чета Лэрреби рано садилась завтракать. Джо был необычайно увлечен эффектами утреннего освещения в Центральном парке, где он делал зарисовки, и в

семь часов Дилия провожала его, насытив завтраком, нежными заботами, поцелуями и поощрениями.

Искусство – требовательная возлюбленная. Джо теперь редко возвращался домой раньше семи часов вечера.

В субботу Дилия, немного бледная и утомленная, но исполненная милой горделивости, торжественно выложила три пятидолларовые бумажки на маленький (восемь на десять дюймов) столик в маленькой (восемь на десять футов) гостиной.

– Клементина удручает меня порой, – сказала она чуть-чуть устало. – Боюсь, что она недостаточно прилежна. Приходится повторять ей одно и то же по нескольку раз. И эти ее белые одеяния стали уже нагонять тоску. Но генерал Пинкни – вот чудесный старик! Жаль, что ты не знаком с ним, Джо. Он иногда заходит к нам во время урока – он ведь одинокий, вдовец – и стоит, теребя свою белую козлиную бородку. «Ну, как шестнадцатые и тридцать вторые? – спрашивает он всегда. – Идут на лад?»

Ах, Джо, если бы ты видел, какие у них панели в гостиной! А какие мягкие шерстяные портьеры! Клементина немножко покашливает. Надеюсь, что она крепче, чем кажется с виду. Ты знаешь, я в самом деле очень привязалась к ней – она такая ласковая и кроткая и так хорошо воспитана. Брат генерала Пинкни был одно время посланником в Боливии.

Но тут Джо, словно какой-нибудь граф Монте-Кристо, извлек из кармана сначала десять долларов, потом пять, потом еще два и еще один – четыре самые что ни на есть настоящие банкноты – и положил их рядом с заработком своей жены.

– Продал акварель с обелиском одному субъекту из Пеории, – преподнес он ошеломляющее известие.

– Ты шутишь, Джо, – сказала Дилия. – Не может быть, чтобы из Пеории!

– Да вот, представь себе. Жаль, что ты не видала его, Дилия. Толстый, в шерстяном кашне и с гусиной зубочисткой. Он заметил мой этюд в витрине у Тинкла и принял его сначала за изображение ветряной мельницы. Но он славный малый и купил вместо мельницы обелиск и даже заказал мне еще одну картину – маслом: вид на Лэкуонскую товарную станцию. Пове-зет ее с собой. Ох уж эти мне уроки музыки! Ну ладно, ладно, они, конечно, неотделимы от Искусства.

– Я так рада, что ты занимаешься своим делом, – горячо сказала Дилия. – Тебя ждет успех, дорогой. Тридцать три доллара! Мы никогда не жили так богато. У нас будут сегодня устрицы на ужин.

– И филе-миньон с шампиньонами, – добавил Джо. – А ты не знаешь, где вилка для маслин?

В следующую субботу Джо вернулся домой первым. Он положил восемнадцать долларов на столик в гостиной и поспешно смыл с рук что-то черное – по-видимому, толстый слой масляной краски.

А через полчаса появилась и Дилия. Кисть ее правой руки, вся обмотанная бинтами, была похожа на какой-то бесформенный узел.

– Что случилось, Дилия? – спросил Джо, целуя жену.

Дилия рассмеялась, но как-то не очень весело.

– Клементине пришла фантазия угостить меня после урока гренками по-валлийски, – сказала она. – Вообще, это девушка со странностями. В пять часов вечера – гренки по-валлийски!

Генерал был дома, и посмотрел бы ты, как он ринулся за сковородкой, можно подумать, что у них нет прислуги. У Клементины, конечно, что-то неладно со здоровьем – она такая нервная. Плеснула мне на руку растопленным сыром, когда поливала им гренки. Ужас как больно было! Бедняжка расстроилась до слез. А генерал Пинкни... ты знаешь, старик просто

чуть с ума не сошел. Сам помчался вниз в подвал и послал кого-то – кажется, истопника – в аптеку за мазью и бинтами. Сейчас уже не так больно.

– А что это у тебя тут? – спросил Джо, нежно приподымая ее забинтованную руку и осторожно потягивая за кончики каких-то белых лохмотьев, торчащих из-под бинта.

– Это такая мягкая штука, на которую кладут мазь, – сказала Дилия. – Господи, Джо, неужели ты продал еще один этюд? – Она только сейчас заметила на маленьком столике деньги.

– Продал ли я этюд! Спроси об этом нашего друга из Пеории. Он забрал сегодня свою товарную станцию и, кажется, склонен заказать мне еще пейзаж в парке и вид на Гудзон. В котором часу стряслось с тобой это несчастье, Дили?

– Часов в пять, должно быть, – жалобно сказала Дилия. – Утюг... то есть сыр сняли с плиты примерно в это время. Ты бы посмотрел на генерала Пинкни, Джо, когда он...

– Поди-ка сюда, Дили, – сказал Джо. Он опустился на кушетку, притянул к себе жену и обнял ее за плечи. – Чем это ты занималась последние две недели? – спросил он.

Дилия храбро посмотрела мужу в глаза – взглядом, исполненным любви и упрямства, – и забормотала что-то насчет генерала Пинкни... потом опустила голову, и правда вылилась наружу в бурном потоке слез.

– Я не могла найти уроков, – призналась Дилия. – И не могла допустить, чтобы ты бросил живопись. Тогда я поступила в эту большую прачечную – знаешь, на Двадцать четвертой улице – гладить рубашки. А правда, я здорово придумала все это – насчет генерала Пинкни и Клементины, – как ты считаешь, Джо? И сегодня, когда одна девушка в прачечной обожгла мне руку утюгом, я всю дорогу домой сочиняла эту историю с гренками. Ты не сердись, Джо? Ведь если бы я не устроилась на работу, ты бы, может быть, не продал своих этюдов этому господину из Пеории.

– Он, между прочим, не из Пеории, – с расстановкой проговорил Джо.

– Ну, это уж не важно, откуда он. Ты такой молодчина, Джо, и скажи, пожалуйста... нет, поцелуй меня сначала... скажи, пожалуйста, как это ты догадался, что я не даю уроков?

– Я и не догадывался... до последней минуты, – сказал Джо. – И теперь бы не догадался, но сегодня я послал из котельной наверх, в прачечную, лигнин и мазь для какой-то девушки, которой обожгли руку утюгом. Я уже две недели как топлю котел в этой прачечной.

– Так, значит, ты не...

– Мой покупатель из Пеории – так же, как и твой генерал Пинкни, – всего лишь произведение искусства, которое, кстати, не имеет ничего общего ни с живописью, ни с музыкой.

Оба рассмеялись, и Джо начал:

– Когда любишь Искусство, никакие жертвы...

Но Дилия не дала мужу договорить, зажав ему рот рукой.

– Нет, – сказала она. – Просто: когда любишь...

Сердце и крест⁵

Бэлди Вудс потянулся за бутылкой и достал ее. За чем бы ни тянулся Бэлди, он обычно... но здесь речь не о Бэлди. Он налил себе в третий раз, на палец выше, чем в первый и во второй. Бэлди выступал консультантом, а консультанта стоит оплатить.

– На твоём месте я был бы королем, – сказал Бэлди так уверенно, что кобура его скрипнула и шпоры зазвенели.

Уэб Игер сдвинул на затылок свой широкополый стетсон и растрепал светлые волосы. Но парикмахерский прием ему не помог, и он последовал примеру более изобретательного Бэлди.

– Когда человек женится на королеве, это не значит, что он должен стать двойкой, – объявил Уэб, подытоживая свои горести.

– Ну разумеется, – сказал Бэлди, полный сочувствия, все еще томимый жаждой и искренне увлеченный проблемой сравнительного достоинства игральных карт. – По праву ты король. На твоём месте я потребовал бы пересдачи. Тебе всучили не те карты... Я скажу тебе, кто ты такой, Уэб Игер.

– Кто? – спросил Уэб, и в его голубых глазах блеснула надежда.

– Ты принц-консорт.

– Полегче, – сказал Уэб, – я тебя никогда не ругал.

– Это титул, – объяснил Бэлди, – который в ходу среди карточных чинов; но он не берет взятку. Пойми, Уэб, это клеймо, которым в Европе метят некоторых животных. Представь, что ты, или я, или какой-нибудь голландский герцог женится на персоне королевской фамилии. Ну, со временем наши жены становятся королевами. А мы – королями? Черта с два! На коронации наше место где-то между первым конюхом малых королевских конюшен и девятым великим хранителем королевской опочивальни. От нас только и пользы, что мы снимаемся на фотографиях и несем ответственность за появление наследника. Это игра с подвохом. Да, Уэб, ты принц-консорт. И будь я на твоём месте, я бы устроил междуцарствие, или *habeas corpus*⁶, или что-нибудь в этом роде. Я стал бы королем, если бы даже мне пришлось смешать к черту все карты.

И Бэлди опорожнил стакан в подтверждение своих слов, достойных Варвика, Делателя Королей.

– Бэлди, – сказал Уэб торжественно, – мы много лет пасли коров в одном лагере. Еще мальчишками мы бегали по одному и тому же пастбищу и топтали одни и те же тропинки. Только тебя я посвящаю в свои семейные дела. Ты был просто объездчиком на ранчо Нопалито, когда я женился на Санте Мак-Аллистер. Тогда я был старшим; а что я теперь? Я значу меньше, чем пряжка на уздечке.

– Когда старик Мак-Аллистер был королем скота в Западном Техасе, – подхватил Бэлди с сатанинской вкрадчивостью, – и ты был козырем. Ты был на ранчо таким же хозяином.

– Так было, – согласился Уэб, – пока он не догадался, что я пытаюсь заарканить Санту. Тогда он отправил меня на пастбище, как можно дальше от дома. Когда старик умер, Санту стали звать «королевой скота». А я только заведую скотом. Она присматривает за всем делом; она распоряжается всеми деньгами. А я не могу продать даже бычка на обед туристам. Санта – «королева», а я – мистер Никто.

– На твоём месте я был бы королем, – повторил закоренелый монархист Бэлди Вудз. – Когда человек женится на королеве, он должен идти с ней по одной цене в любом виде – соле-

⁵ © Перевод. М. Урнов, наследники, 2011.

⁶ Букв. – ты должен иметь тело (*лат.*), начальные слова Закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. – *Здесь и далее: примеч. пер.*

ном и вяленом, и повсюду – от пастбища до прилавка. Многие, Уэб, считают странным, что не тебе принадлежит решающее слово на Нопалито. Я не хочу сказать ничего худого про миссис Игер – она самая замечательная дамочка между Рио-Гранде и будущим Рождеством, – но мужчина должен быть хозяином в своем доме.

Бритое смуглое лицо Игера вытянулось в маску уязвленной меланхолии. Выражение его лица, растрепанные желтые волосы и простодушные голубые глаза – все это напоминало школьника, у которого место коновода перехватил кто-то посильнее. Но его энергичная мускулистая семидесятидвухдюймовая фигура и револьверы у пояса не допускали такого сравнения.

– Как это ты меня обозвал, Бэлди? – спросил он. – Что это за концерт такой?

– Консорт, – поправил Бэлди, – принц-консорт. Это псевдоним для неважной карты. Ты по достоинству где-то между козырным валетом и тройкой.

Уэб Игер вздохнул и поднял с пола ремень от чехла своего винчестера.

– Я возвращаюсь сегодня на ранчо, – сказал он безучастно. – Утром мне надо отправить гурт быков в Сан-Антонио.

– До Сухого озера я тебе попутчик, – сообщил Бэлди. – В моем лагере в Сан-Маркосе согнали скот и отбирают двухлеток.

Оба *compañeros*⁷ сели на лошадей и зарысили прочь от маленького железнодорожного поселка, где в это утро утоляли жажду.

У Сухого озера, где их пути расходились, они остановили лошадей, чтобы выкурить по прощальной папиросе. Много миль они проехали молча, и тишину нарушали лишь дробь копыт о примятую мескитовую траву и потрескивание кустарника, задевавшего за деревянные стремена. Но в Техасе разговоры редко бывают связными. Между двумя фразами можно проехать милю, пообедать, совершить убийство, и все это без ущерба для развиваемого тезиса. Поэтому Уэб без всяких предисловий добавил кое-что к разговору, который завязался десять миль назад.

– Ты сам помнишь, Бэлди, что Санта не всегда была такая самостоятельная. Ты помнишь дни, когда старик Мак-Аллистер держал нас на расстоянии и как она давала мне знать, что хочет видеть меня. Старик Мак-Аллистер обещал сделать из меня дуршлаг, если я подойду к ферме на ружейный выстрел. Ты помнишь знак, который, бывало, она посылала мне... сердце и в нем крест.

– Я-то? – вскричал Бэлди с хмельной обидчивостью. – Ах ты, старый койот! Помню ли? Да знаешь ли ты, проклятая длиннорогая горлица, что все ребята в лагере знали эти ваши иероглифы? «Желудок с костями крест-накрест» – вот как мы называли их. Мы всегда примечали их на поклаже, которую нам привозили с ранчо. Они были выведены углем на мешках с мукой и карандашом на газетах. А как-то я видел такую штуку, нарисованную мелом на спине нового повара, которого прислал с ранчо старик Мак-Аллистер. Честное слово!

– Отец Санты, – кротко объяснил Уэб, – взял с нее обещание, что она не будет писать мне и передавать поручений. Вот она и придумала этот знак – сердце и крест. Когда ей не терпелось меня увидеть, она ухитрялась отмечать этим знаком что придется, лишь бы попало мне на глаза. И не было случая, чтобы, приметив этот знак, я не мчался в ту же ночь на ранчо. Я встречался с нею в той рожице, что позади маленького конского коралля.

– Мы знали это, – протянул Бэлди, – только виду не подавали. Все мы были за вас. Мы знали, почему ты в лагере всегда держишь коня наготове. И когда мы видели «желудок с костями», расписанные на повозке, мы знали, что старику Пинто придется в эту ночь глотать мили вместо травы. Ты помнишь Скэрри... этого ученого объездчика? Ну, парня из колледжа, который приехал на пастбище лечиться от пьянства. Как завидит Скэрри на чем-нибудь это

⁷ Приятели (*исп.*).

клеймо «приезжай к своей милке», махнет, бывало, рукой вот таким манером и скажет: «Ну, нынче ночью наш приятель Леандр опять поплывет через Геллиспункт».

– В последний раз, – сказал Уэб, – Санта послала мне знак, когда была больна. Я заметил его сразу, как только вернулся в лагерь, и в ту ночь сорок миль прогнал Пинто галопом. В рожице ее не было. Я пошел к дому, и в дверях меня встретил старик Мак-Аллистер.

– Ты приехал, чтобы быть убитым? – говорил он. – Сегодня не выйдет. Я только что послал за тобой мексиканца. Санта хочет тебя видеть. Ступай в эту комнату и поговори с ней. А потом выходи и поговоришь со мной.

Санта лежала в постели сильно больная. Но она вроде как улыбнулась, и наши руки сцепились, и я сел возле кровати как был – грязный, при шпорах, в кожаных штанах и тому подобном.

– Несколько часов мне чудился топот копыт твоей лошади, Уэб, – говорит она. – Я была уверена, что ты прискачешь. Ты увидел знак? – шепчет она.

– Как только вернулся в лагерь, – говорю я. – Он был нарисован на мешке с картошкой и луком.

– Они всегда вместе, – говорит она нежно, – всегда вместе в жизни.

– Вместе они замечательны, – говорю я, – с тушеным мясом.

– Я имею в виду сердце и крест, – говорит она. – Наш знак. Любовь и страдание – вот что он обозначает.

Тут же был старый док Мэсгров, забавлявшийся виски и веером из пальмового листа. Ну, вскоре Санта засыпает. Док трогает лоб и говорит мне: «Вы неплохое жаропонижающее. Но сейчас вам лучше уйти, потому что, согласно диагнозу, вы не требуетесь в больших дозах. Девушка будет в полном порядке, когда проснется».

Я вышел и встретил старика Мак-Аллистера.

– Она спит, – сказал я. – Теперь вы можете делать из меня дуршлаг. Пользуйтесь случаем: я оставил свое ружье на седле.

Старик смеется и говорит мне:

– Какой мне расчет накачать свинцом лучшего управляющего в Западном Техасе? Где я найду такого? Я почему говорю, что ты хорошая мишень? Потому что ты хочешь стать моим зятем. В члены семейства ты, Уэб, мне не годишься. Но использовать тебя на Нопалито я могу, если ты не будешь совать нос в усадьбу. Отправляйся-ка наверх и ложись на койку, а когда выспишься, мы с тобой это обсудим.

Бэлди Вудз надвинул шляпу и скинул ногу с седельной луки. Уэб натянул поводья, и его застоявшаяся лошадь заплясала. Церемонно, как принято на Западе, мужчины пожали друг другу руки.

– Adios⁸, Бэлди, – сказал Уэб, – очень рад, что повидал тебя и побеседовал.

Лошади рванули с таким шумом, будто вспорхнула стая перепелов, и всадники понеслись к разным точкам горизонта. Отъехав ярдов сто, Бэлди остановил лошадь на вершине голого холмика и испустил вопль. Он качался в седле. Иди он пешком, земля бы завертелась под ним и свалила его. Но в седле он всегда сохранял равновесие, смеялся над виски и презирал центр тяжести.

Услышав сигнал, Уэб повернулся в седле.

– На твоём месте, – донесся с пронзительной издевкой голос Бэлди, – я был бы королем.

На следующее утро, в восемь часов, Бэд Тэрнер скатился с седла перед домом в Нопалито и зашагал, звякая шпорами, к галерее. Бэд должен был в это утро гнать гурт рогатого скота в Сан-Антонио. Миссис Игер была на галерее и поливала цветок гиацинта в красном глиняном горшке. «Король» Мак-Аллистер завещал своей дочери много положительных качеств: свою

⁸ Прощай, пока (*исп.*).

решительность, свое веселое мужество, свою упрямую самоуверенность, свою гордость царствующего монарха копыт и рогов. Темпом Мак-Аллистера всегда было *allegro*⁹, а манерой – *fortissimo*¹⁰. Санта унаследовала их, но в женском ключе. Во многом она напоминала свою мать, которую призвали на иные, беспредельные зеленые пастбища задолго до того, как растущие стада коров придали дому королевское величие. У нее была стройная крепкая фигура матери и ее степенная нежная красота, смягчавшая суровость властных глаз и королевски независимый вид Мак-Аллистера.

Уэб стоял в конце галереи с несколькими управляющими, которые приехали из различных лагерей за распоряжениями.

– Привет! – сказал Бэд кратко. – Кому в городе сдать скот? Барберу, как всегда?

Отвечать на такие вопросы было прерогативой королевы. Все бразды хозяйства – покупку, продажу и расчеты – она держала в своих ловких пальчиках. Управление скотом было целиком доверено ее мужу. В дни «короля» Мак-Аллистера Санта была его секретарем и помощником. И она продолжала свою работу разумно и с выгодой. Но до того, как она успела ответить, принц-консорт заговорил со спокойной решимостью:

– Сдай этот гурт в загоны Циммермана и Несбита. Я говорил об этом недавно с Циммерманом.

Бэд повернулся на своих высоких каблуках.

– Подождите, – поспешно позвала его Санта. Она взглянула на мужа, удивление было в ее упрямых серых глазах.

– Что это значит, Уэб? – спросила она, и небольшая морщинка появилась у нее между бровей. – Я не торгую с Циммерманом и Несбитом. Вот уже пять лет Барбер забирает весь скот, который идет от нас на продажу. Я не собираюсь отказываться от его услуг. – Она повернулась к Бэду Тэрнеру. – Сдайте этот скот Барберу, – заключила она решительно.

Бэд безучастно посмотрел на кувшин с водой, висевший на галерее, переступил с ноги на ногу и пожевал лист мескита.

– Я хочу, чтобы этот гурт был отправлен Циммерману и Несбиту, – сказал Уэб, и в его голубых глазах сверкнул холодный огонек.

– Глупости! – сказала нетерпеливо Санта. – Вам лучше отправляться сейчас, Бэд, чтобы отполдничать на водопое «Маленького вяза». Скажите Барберу, что через месяц у нас будет новая партия бракованных телят.

Бэд посмотрел украдкой на Уэба, и взгляды их встретились. Уэб заметил в глазах Бэда просьбу извинить его, но вообразил, что видит соболезнование.

⁹ С жаром, одушевлением и силой (*ит.*).

¹⁰ Громко, сильно (*ит.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.